

DOI: 10.31857/S013038640005859-2

© 2019 г. В. Л. МУСАТОВ

ПЕРЕСТРОЙКА ГЛАЗАМИ СОТРУДНИКА МЕЖДУНАРОДНОГО ОТДЕЛА ЦК КПСС*

Мусатов Валерий Леонидович — кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный посол в отставке, Заслуженный работник дипломатической службы Российской Федерации (Москва, Россия).

E-mail: musatovvl@yandex.ru

Аннотация. В воспоминаниях В. Л. Мусатова рассматриваются драматические события 1985–1991 гг., когда под влиянием провала перестройки развивался процесс разрушения советской государственности, ослабления экономики СССР и его военной мощи. Эти деструктивные явления не могли не затронуть положение союзников СССР, социалистических стран Восточной Европы, которые после 1945 г. теснейшим образом были связаны с Москвой. Сдача внешнеполитических позиций Советским Союзом наряду с внутренними трансформациями в странах Восточной Европы привели в итоге к смене общественно-политического строя в бывших социалистических государствах.

Современная политология безоговорочно признает аксиоматичность вывода о нереструктурируемости советской модели и, как следствие, тупиковости ее развития. Однако этот вывод нуждается в строгой верификации. Сегодня мы можем только утверждать, что переход от правототалитарного (фашистского) режима к демократии оказалось осуществить легче, чем от режима левототалитарного толка, базирующегося на обобществленной централизованной экономике при отсутствии рыночных отношений. На этапе посткоммунистического развития Восточной Европы, который, в отличие от ранней «десталинизации», характеризовался радикальной модернизирующей трансформацией в виде «построения основ капитализма», в регионе утвердилась, в конечном счете, демократическая политическая система. А вот на пространстве бывшего СССР возобладали «имитирующие» демократию авторитарные режимы различной степени жесткости. Применительно к России политологи используют дефиницию «мягкий авторитаризм». Но с учетом «китайского чуда» ответ на вопрос, имеет ли близкая к советской модель какие-либо общественные перспективы, думается, не может быть однозначно негативным.

Ключевые слова: перестройка, Советский Союз, социалистические страны Восточной Европы, внутренние трансформации, Варшавский договор, Совет экономической помощи.

V. L. Musatov

Perestroika Through the Eyes of an Employee of the International Department of the CPSU Central Committee

Valery Musatov, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation (retired), Honoured Worker of the Diplomatic Service of Russia (Moscow, Russia).

E-mail: musatovvl@yandex.ru

Abstract. In V. L. Musatov's memoirs the dramatic events of 1985–1991, when under the influence of the failure of Perestroika the process of destruction of the Soviet statehood, weakening of its

* Окончание. Начало см.: Новая и новейшая история, 2019, № 3.

economy and military power developed, are considered. These destructive phenomena could not but affect the allies of the USSR, the socialist countries of Eastern Europe, which after 1945 were closely connected with Moscow. The surrender of its foreign policy positions by the Soviet Union, along with internal transformations in the countries of Eastern Europe, eventually led to a change in the socio-political system in the former socialist states.

Modern political science unequivocally recognizes the axiomatic nature of the conclusion of the unreformability of the Soviet model and, therefore, a dead-end for its development. However, this conclusion needs to be strictly verified. Today we can only say, that the transition from a right-wing (fascist) regime to a democracy has been easier than from a left-wing regime based on a socialized, centralized economy with its lack of market relations. At the stage of post-Communist development of Eastern Europe, which, unlike the early “de-Stalinization”, was characterized by a radical modernizing transformation in the form of “building the foundations of capitalism”, a democratic political system was established in the region. But in member-countries of the former Soviet Union authoritarian regimes of varying degrees of rigidity, “imitating” democracy, prevailed. In relation to Russia, political scientists use the definition of “soft authoritarianism”. But taking the “Chinese miracle” into account, the answer to the question of whether a model close to the Soviet one has any social prospects, it seems, can not be unambiguously negative.

Keywords: Perestroika, Soviet Union, socialist countries of Eastern Europe, internal transformation, Warsaw Pact, Council for Mutual Economic Assistance.

В бывших социалистических странах завершались свои мирные революции, но их новые руководители с тревогой наблюдали за происходящим в Советском Союзе. Больше всего их беспокоило то, как бы их страны не задели «осколки» от неизбежного крушения СССР. Выражалась обеспокоенность перспективами торговых отношений, а также финансовых, платежных расчетов с Советским Союзом. Горбачёв оценивал контакты с новым демократическим руководством соседних стран, как возрождение их интереса к сотрудничеству с Советским Союзом в новых геополитических условиях. Дескать, они одумались и без связей с Москвой не могут обойтись. На самом деле скорее действовала инерция прежних отношений. Во всех бывших соцстранах созрел стратегический вывод о переносе акцентов во внешнеэкономических связях на Запад. И прежде зависимые в торговле и в кредитной области от западных держав, европейские страны СЭВ начали активнее поворачивать в другую сторону. На очереди был вопрос о самороспуске Варшавского договора и СЭВ. Таким образом, из первоначальных планов Горбачёва, предусматривавших сближение социалистических стран и Советского Союза в политике и в экономике, обновление «реального социализма», интернационализацию этого процесса, ничего не было реализовано. Не дошло дело и до «исторической встречи» обновленной Восточной Европы с обновленной же Западной Европой на общем европейском пространстве, как это предполагалось по схеме Горбачёва. Позднее такая «встреча» состоялась, а точнее поглощение ФРГ, государством-членом НАТО, Германской Демократической Республики, которая была самым сильным союзником Советского Союза в Европе. А затем по сценарию западных держав произошло поэтапное втягивание (через программы типа «партнерства ради мира») всех бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы и государств Балтии в НАТО.

Предчувствовал ли это Горбачёв? Конечно, да. Даже заявлял, что первопричиной ослабления союза соцстран в недостатках интеграционных процессов в экономике. Но в практической области он ничего сделать не смог. Бывший председатель КГБ В. А. Крючков неоднократно заявлял, что Горбачёву докладывалась вся информация о положении в соцстранах и о планах западных партнеров. По свидетельству Э. А. Шеварднадзе, Горбачёв был плохим экономистом, но о ситуации в экономике и в сфере сотрудничества он был полностью информирован. Однако многие его коллеги по

Политбюро считали, что хватит кормить «братьев». С одной стороны, в советской правящей элите было понимание того, что сохранение военно-политического союза соцстран требует материальных жертв, что имело место в разных формах в течение всего периода с момента создания СЭВ в 1949 г. и ОВД в 1955 г. По некоторым подсчетам, на льготных ценах на сырье и топливо для союзников Советский Союз терял ежегодно до 20 млрд долларов. Эта цифра встречается в мемуарах Н. И. Рыжкова и М. С. Горбачёва. Но с другой стороны, в середине 1980-х годов возможности Советского Союза по предоставлению льготных цен, валютных кредитов и прежних объемов сырьевых поставок иссякли. Более того, после 1987 г. Советский Союз остро нуждался в западных кредитах и пошел на получение политически мотивированных кредитов, что меняло всю картину отношений с Западом. Горбачёв не мог не знать об этом. В 1995 г. на встрече в Горбачёв-фонде бывший президент СССР назвал цифры из «баланса сотрудничества», вошедшие в отчет комиссии Политбюро, изучавшей этот вопрос: мы получали от соцстран валютной продукции на 3–4 млрд долл., а сами поставляли им валютных товаров, включая военную технику, на 17 млрд долл.¹ «Идеолог перестройки» А. Н. Яковлев считал, что Советский Союз не извлекал каких-то привилегий и экономических выгод из существования социалистического содружества. Советские люди жили плохо, хуже, чем во многих странах соцсодружества. Дело было не в сотрудничестве с соцстранами. Коренные пороки были связаны с дорогостоящей гонкой вооружений². Тем не менее члены Политбюро в 1990 г. убедили Горбачёва принять решение о переходе в торговле со странами СЭВ на расчеты в конвертируемой валюте, наобещав выгоду в 12 млрд долл.(!?).

Президент принял указ № 372 от 24 июля 1990 г. «О внесении изменений во внешнеэкономическую практику Советского Союза», в котором говорилось: «В связи с переходом к рыночной экономике, курсом на открытость и более широкое участие в мирохозяйственных связях, а также с реальным учетом социально-экономических и политических изменений, происходящих в странах-членах СЭВ, в мире в целом, постановляю: 1. Совету Министров СССР обеспечить переход с 1 января 1991 года в экономических отношениях с другими странами-членами СЭВ на расчеты по мировым ценам в свободно конвертируемой валюте³. В этом документе фактически содержится признание невыгодности для СССР перемен, происходивших в соцстранах. В результате перехода на расчеты в валюте была окончательно сокрушена вся система сотрудничества, поскольку ни у кого не было этой валюты, а Советский Союз стал должником многих социалистических стран.

Но еще до этого в 1987–1988 гг. раздосадованный сопротивлением партнеров, их скептицизмом в отношении советской перестройки, Горбачёв склонился к мнению о необходимости замены некоторых высших руководителей соцстран. В аппарате ЦК это называли стремлением поставить у власти «маленьких горбачёвых». Понятно, что такое должно было рано или поздно произойти. Например, Я. Кадар еще весной 1985 г. сказал Горбачёву, что ему как самому молодому руководителю будет трудно сражаться с коллегами-стариками. Нормальные отношения у Горбачёва сложились только с В. Ярузельским и Я. Кадаром. Сложными были взаимоотношения с Хонеккером, Чаушеску и Живковым. Внешне уважительным было отношение Горбачёва к Гусаку, но именно он уговорил Гусака освободить партийный пост. Формально подготовка всех

¹ Личный архив автора. См. также: Неоконченная история. Три цвета времени. Беседы М. С. Горбачёва с политологом Б. Ф. Славиним. М., 2005, с. 205.

² Яковлев А. Сумерки. М., 2003, с. 238.

³ История современной России. Документы и материалы (1985–1999), ч. I. М., 2011, с. 255–256.

кадровых замен была поручена В. А. Медведеву и В. А. Крючкову. По своей привычке Горбачёв лично вмешивался редко.

Интересной была история с уходом Кадара. Положительно восприняв перестройку в Советском Союзе, Кадар, наблюдая трудности вокруг ее реализации, засомневался затем в успехе этой политики. В 1987 г. через закрытые каналы он предупреждал Горбачёва о вероятном крахе перестройки. Об этом Кадар говорил в своем кругу, о чем сразу докладывалось Горбачёву. Под влиянием настойчивых намеков с советской стороны и давлением молодых членов венгерского Политбюро, рвавшихся к власти, больной Кадар (1912–1989 гг.) в мае 1988 г. перешел на чисто декоративный пост председателя партии. Перед уходом он позвонил Горбачёву, объяснил принятое решение и его мотивацию. Горбачёв, разумеется, все давно знал, тем более что «Старика», как звали Кадара в ЦК ВСРП, пришлось подталкивать. Но в разговоре Горбачёв считал нужным подчеркнуть, что этот шаг, как всегда, продуман Кадаром и делается с его согласия.

Мне довелось присутствовать при этом телефонном разговоре Горбачёва в его кабинете в Кремле. Там же находился В. А. Медведев. Для подстраховки перевода я отслеживал разговор через параллельную телефонную трубку, но переводила Надя Барта в Будапеште. Помню, что на Горбачёва наибольшее впечатление произвела информация Кадара о том, что в ВСРП упраздняется Секретариат ЦК, а остается только Политбюро. Горбачёв тогда сказал В. А. Медведеву: «Вот и нам надо сделать то же самое. Пора кончать с двоевластием» (это был явный намек на Е. К. Лигачева, доминировавшего на заседаниях Секретариата ЦК). Во второй половине 1988 г. Лигачев был отстранен от ведения заседаний Секретариата, затем эта миссия была возложена на Медведева, а позже — на Ивашко.

Г. Гусака с 1987 г. уговаривали уйти в отставку. И он на встрече с Горбачёвым в ноябре 1987 г. обещал сделать это, но в 1988 г. заколебался. По этой причине перед решающим пленумом ЦК КПЧ советскому послу В. П. Ломакину было поручено еще раз переговорить с Гусаком. Кстати, замены руководителей в Венгрии и в Чехословакии не были удачными. Новые партийные лидеры К. Грос и М. Якеш оказались не на высоте той большой и трудной задачи, которую предстояло решать их партиям. Приезжавшему в Болгарию В. А. Медведеву не удалось быстро заменить Т. Живкова, вопрос о его уходе затянулся до конца 1989 г. Но в Болгарии более молодое поколение политиков-коммунистов (П. Младенов, А. Лилов, А. Луканов и др.) оказало существенное влияние на процесс мирной трансформации общественного строя.

В ГДР время для перемен было катастрофически упущено. В Политбюро существовала группа политиков во главе с В. Штофом, которая выступала за отставку Э. Хонеккера, но действовали они, в том числе и «крон-принц» Э. Кренц, нерешительно. Член Политбюро ЦК СЕПГ В. Кроликовский откровенно рассказал Лигачеву, посетившему ГДР в сентябре, о нетерпимом положении в Политбюро и ЦК, о необходимости заменить Хонеккера, ставшего тормозом развития. В октябре 1989 г. во время пребывания Горбачёва на 40-летию республики окончательно выяснилось, что обстановка стала критической, население Восточной Германии теряло терпение. Несмотря на свою позицию невмешательства, советский лидер все-таки сказал на встрече с членами Политбюро ЦК СЕПГ, что «того, кто опаздывает, наказывает жизнь». Когда Э. Кренц в кратком разговоре с В. М. Фалиным при отъезде советской делегации начал жаловаться на то, что Хонеккер ничего не понял из общения с Горбачёвым, то секретарь ЦК КПСС сказал ему: «Советский гость сделал и сказал даже больше, чем положено ждать от гостя. Все остальное зависит от вас самих»⁴. В Берлине Горбачёв сказал членам своей делегации: «Готовимся к худшему? Все возможное мы сделали.

⁴ Фалин В. Без скидок на обстоятельства. М., 1999, с. 443.

То, что от нас ждут, — поддержка Э. Хонеккера с позиции силы — не дождутся»⁵. Фа-лин в своей книге самокритично признает, что тогда они с Шахназаровым уверяли генсека, что если проводы Хонеккера не затянутся и стихия не захлестнет республику, то «политический кризис еще может разрешиться политически». Но это были неоправданные расчеты.

Несмотря на свою позицию «невмешательства, Горбачёв позднее принял в Москве «гонца» из Берлина, члена политбюро ЦК СЕПГ Г. Тиша, приезжавшего от имени Штофа, Кренца и Мильке накануне заседания Политбюро ЦК СЕПГ, на котором решались ключевые кадровые вопросы⁶.

Но новые руководители не смогли остановить процесс гибели ГДР, чехарда политических временщиков только ускоряла конец, о социалистическом обновлении уже не было и речи. В Кремле в конце 1989 г. еще обсуждался вопрос о перспективе сохранения ГДР как союзника СССР. По оценке КГБ, подготовленной генералами Н. С. Леоновым и А. Г. Новиковым, шансов на сохранение ГДР «в качестве самостоятельного, суверенного государства — члена Варшавского пакта, нет, равно как практически нет шансов на сохранение в ГДР социалистического строя». Националистические страсти, подстёгиваемые со стороны ФРГ, захватили полностью страну, политическое руководство, состоящее из новых людей, не может овладеть ситуацией. Авторы этого анализа рекомендовали избавиться от всяких иллюзий и думать о практических вопросах, связанных с пребыванием наших войск (Западная группа войск) и с торговыми связями с ГДР⁷. Документ был доложен Горбачёву. Сразу же в Берлин был послан А. Н. Яковлев, но его выводы были уклончивыми и размытыми.

В январе 1990 г. на совещании узкого состава, созванном Горбачёвым, речь пошла о том, что СССР не будет препятствовать объединению Германии (идеи «договорного сообщества» или конфедерации никто серьезно не вспоминал) и о том, как бы сделать процесс мирным, учитывающим интересы всех сторон. Горбачёв говорил о необходимости растянуть этот процесс, сетовал на то, что в ГДР нам не на кого опереться. Но тогда он еще выступал против вхождения объединенной Германии в НАТО.

Что касается Румынии, то попытки приблизить Н. Чаушеску (обмен визитами, награждение орденом Ленина, поставки советской нефти, знаки внимания к жене Чаушеску Е. Чаушеску, куратору румынской науки, со стороны АН СССР и т.д.) особых результатов не принесли. Чаушеску оставался яростным оппонентом перестройки, он критиковал уступки Горбачёва Западу в сфере безопасности и разоружения. На семейном ужине в резиденции румынского лидера во время визита Горбачёва в Бухарест в мае 1986 г. произошла прямая стычка. Чаушеску в менторском тоне по существу потребовал от Горбачёва отказаться от реформистских планов, меньше заниматься международными делами, а больше внутренними. Горбачёв на повышенных тонах ответил, что в советах не нуждается, а вот Чаушеску следовало бы идти в ногу со временем и подумывать о назревших преобразованиях. «То, что вы выдаете у себя за общество благоденствия и гуманизма, на мой взгляд, не имеет ничего общего ни с тем, ни с другим, не говоря уж о демократии, — всю страну держите в страхе, изолировав ее от окружающего мира»⁸. Как рассказывал наш переводчик Н. А. Рембиевский, началась перепалка, в которую ввязались жены. Р. М. Горбачёва дала отпор Е. Чаушеску, когда та начала утверждать, что советский народ живет хуже румынского. В Москве сложилось устойчивое мнение о политике Н. Чаушеску. Генсек в своем кругу сказал,

⁵ Там же, с. 442.

⁶ Яковлев А. Н. Перестройка 1985–1991. Документы. М., 2008, с. 363.

⁷ Леонов Н. С. Лихолетье. М., 1994, с. 335–336.

⁸ Горбачёв М. Жизнь и реформы, кн. 2. М., 1995, с. 397; Шахназаров Г. Цена свободы. Реформация Горбачёва глазами его помощника. М., 1993, с. 101.

что «Николае плохо кончит». Известно было о серьезных трудностях, переживаемых Румынией. Поступала информация об усилении оппозиционных настроений в партии, обществе и особенно в румынской армии. Об этом сообщали советским представителям генерал Н. Милитару и экс-посол, бывший представитель Румынии в ООН С. Брукан. Последний осенью 1988 г. приезжал в Москву. В своих мемуарах Брукан упоминает о встрече с Горбачёвым, во время которой якобы шла речь о социализме в Румынии без Чаушеску. Представляется сомнительным факт подобной встречи. С Бруканом в Москве явно беседовали люди другого ранга. В пользу такого вывода говорит один факт: в апреле 2010 г. Горбачёв вновь посетил Румынию. Журналисты на пресс-конференции спрашивали его о многих вещах, в частности, приводили высказывания покойного С. Брукана, на что Михаил Сергеевич спросил «А кто это такой? Не знаю его». В любом случае известно, что на обращение оппозиционных групп румынской элиты об оказании помощи в свержении Чаушеску советский лидер ответил отказом, мотивируя тем, что вмешательство во внутренние дела других стран противоречит принципам его внешней политики.

Наблюдая кризисные процессы в соцстранах и опасаясь за свое положение, за свой режим, Чаушеску в 1988 г., а затем на коллективной встрече на высшем уровне в июле 1989 г. в Бухаресте и в своей последней беседе с Горбачёвым в Москве 4 декабря 1989 г. предлагал обсудить ситуацию в социалистическом лагере и разработать совместные меры по выходу из приближавшейся катастрофы. Горбачёв тогда заявил, что все перемены проходят на базе демократии, без ущерба для дела социализма и нет причин опасаться краха социализма. Рабочую встречу для обсуждения кризисных явлений в экономике и международных отношениях предлагал провести и М. Якеш, с ним согласились, но в ходе «бархатной революции» в ноябре 1989 г. он сам лишился своего поста в КПЧ. В. А. Медведев в своей книге «Распад» самокритично признает, что замену руководителей в соцстранах надо было проводить энергичнее и пораньше. Горбачёв говорит об этих проблемах скупно: «В научной дискуссии я, видимо, могу признать, что где-то мы могли поступить рациональнее, в чем-то ошибались. Как показало дальнейшее развитие событий, непродуманным оказался единовременный переход в торговых отношениях с восточноевропейскими странами на расчеты в свободно конвертируемой валюте. Ни нам, ни им это валюты не прибавило, зато привело к дезорганизации экономических связей. Были и другие неадекватные действия»⁹. Например, в мае 2015 г. в связи с 30-летием антиалкогольной кампании Горбачёв признал, что это была крупная ошибка, приведшая к подрыву бюджета.

С поражением ПОРП на выборах в сейм летом 1989 г. развернулся каскадный процесс демократических революций во всех социалистических странах ЦВЕ. Где-то они были «бархатными», где-то с кровопролитием. Почти повсеместно с судебными преследованиями «бывших». Вместо «революций сверху», как это предполагалось Горбачёвым, в Восточной Европе прокатилась волна революций, инициированных снизу оппозиционными силами. Советский руководитель был ошеломлен быстротечностью этих перемен.

Но в совокупности эта кризисная ситуация у наших союзников, да и в нашей стране ни разу не была обсуждена на встречах лидеров соцстран или на пленумах ЦК КПСС. Горбачёв не пытался подводить итоги перестройки, не задавался вопросом, куда пришла страна и что нас ждет впереди. Однако критические выступления членов ЦК, народных депутатов имели место неоднократно. Особенно вспоминаются два выступления с резкой критикой политики Горбачёва на Пленуме ЦК в феврале и марте 1990 г. посла СССР в Польше В. И. Бровикова (бывший второй секретарь ЦК компартии Белоруссии, бывший председатель Совета Министров Белорусской ССР),

⁹ Горбачёв М. С. Указ. соч., кн. 2, с. 475–476.

который поставил вопрос о личной ответственности Горбачёва за развал страны и социалистического лагеря. По его мнению, Горбачёв превратил державу, которой восхищались в мире, в государство с ошибочным прошлым, безрадостным настоящим и неопределенным будущим. Перестройка «за неполных пять лет ввергла страну в пучину кризиса, подвела к черте, у которой мы лицом к лицу столкнулись с разгулом анархии, деградацией экономики, гримасой всеобщей разрухи и падением нравов». В. И. Бровиков выступил против введения поста президента, отметив, что «наша трагедия сегодня в том, что по-прежнему мы никак не можем отказаться от единоличной власти в государстве и партии». На другом пленуме, в марте, когда рассматривался вопрос об отмене 6-й и 7-й статей Конституции, а также об избрании Горбачёва президентом СССР, Бровиков выступил вновь, отметив, что «Вместо ускорения социально-экономического развития (а именно в этом состояла квинтэссенция решений XXVII съезда партии) идет его замедление. Вместо повышения уровня жизни людей труда наблюдается его снижение. Вместо реформирования системы государственного и хозяйственного управления во многом происходит ее деформирование. Словом, весь наш реформаторский пар уходит в гудок, в лозунги и бесконечные дебаты в этом зале и в смежных с ним. В крайне тяжелом положении оказалась сама партия, и мы это все понимаем. Ее поносят самыми последними словами. Создается впечатление, что наши руководители спешат поставить крест на партии как ведущей силе общества, а функции ликвидируемого Политбюро передать Президенту. Надо ли так спешить? И где, товарищи, гарантия, что президентская власть спасет от свалившихся на нашу голову бед? В обществе по сему поводу, кажется, больше сомнений, чем надежд. Считаю, что за кризис в стране и партии обязаны лично ответить не только товарищ Лигачев, которого здесь называли (выступавший перед Бровиковым секретарь ВЦСПС В. М. Мишин предлагал Лигачеву уйти в отставку. — В. М.), но и товарищи Горбачёв, Медведев, Слюньков, Яковлев, Лукьянов. Они, мне кажется, не совсем оправдали оказанное им доверие и не полностью справились с порученными участками работы»¹⁰.

Бровиков провел зондирование настроений своих товарищей, он знал, что, несмотря на бурные аплодисменты, его поддержат не более трети членов ЦК. Видимо, по этой причине он не произнес последнее свое предложение — исключить Горбачёва из партии, а партийной группе КПСС на съезде народных депутатов солидарно выступить за освобождение Горбачёва от должности Президента.

Горбачёв весьма болезненно воспринял выступление В. И. Бровикова тем более, что посол СССР в Польше исходил из свежих уроков утраты власти польскими коммунистами. Кстати, на пленуме «о печальном опыте ПОРП», который у всех перед глазами, говорил первый секретарь МГК КПСС Ю. В. Прокофьев (в марте 1991 г. он представил в ЦК отчет о своей поездке в Варшаву по приглашению польских социалистов с реальными, тревожными выводами).

На пленуме ЦК КПСС Бровикову пытался ответить академик, секретарь ЦК, главный редактор «Правды» И. Т. Фролов, призвав его к самокритике. В речи Фролова содержалась одна хитрая уловка — зачем нам пугать друг друга опытом восточно-европейских стран? У каждого свои пути, свои особенности. Все, что началось у нас, подчеркнул оратор, прежде всего перестройка, «началось именно у нас и развивалось не под давлением каких-то внешних сил. Мы идем своим, присущим нам путем. Мы учитываем и то, что совершается в странах Восточной Европы, но нельзя считать это каким-то фактором, который подталкивает нас»¹¹. Был приготовлен еще один оратор — В. Биккенин, главный редактор журнала «Коммунист», но его выступление против Бровикова организаторы пленума отложили.

¹⁰ Швед В. В. СССР: все могло быть иначе. — Сайт Одинцово Инфо. Апрель 2014.

¹¹ Материалы мартовского (1990) Пленума ЦК КПСС. М., 1990, с. 45.

Горбачёв не простил Бровикову два его конфронтационных, протестных выступления на пленумах ЦК. Реакция последовала быстро — Бровиков был отправлен на пенсию по состоянию здоровья, он был болен раком. Умер В. И. Бровиков в 1992 г.

Еще до Бровикова деятельность Горбачёва публично критиковал первый секретарь Кемеровского обкома КПСС А. Г. Мельников, что также вызвало обостренную реакцию генсека.

Е. К. Лигачев как член высшего партийного руководства обращался с письмами в Политбюро на имя Горбачёва, предлагая провести расширенный Пленум ЦК для принятия мер по выходу из кризиса. В частности, в его письме от 28 мая 1990 г. говорилось: «Многие коммунисты, трудящиеся требуют от ЦК КПСС реальной оценки политической обстановки, принятия эффективных мер, так как наше социалистическое Отечество в опасности. Это же факт, что в СССР действуют силы против социализма. Они скоординированы, имеют внешние связи. Сейчас главное — спасение СССР как целостного государства». А ранее, в феврале на пленуме ЦК Лигачев призывал принять меры по укреплению единства партии, не допустить ее превращения в политический клуб, как это происходило в странах ЦВЕ.

КПСС неуклонно теряла влияние, ее численность сократилась на 4,2 млн человек. Но генсек утешал своих товарищей тем, что только 3% из них ушли в другие партии. Внутри партии появились «платформы», налицо был раскол. Выходы из партии имели место и в аппарате ЦК. Многие, в том числе и в международных отделах, стремились сменить место работы. Людям надоело оправдываться перед членами партии и беспартийными за политику руководства КПСС. Повышение зарплаты партаппарату, проведенное Горбачёвым и управделами ЦК Н. Е. Кручиной летом 1989 г., не оказывало нужного воздействия. В. В. Рябов, заведующий Гуманитарным отделом ЦК и одновременно секретарь парткома аппарата ЦК (на общественных началах), отмечал, что 75% сотрудников аппарата ЦК (численность составляла в 1991 г. примерно 1000 человек) выступали против генсека. Зная об этом, Горбачёв, ни разу не встретившись с работниками аппарата, хотя давал такие обещания)¹².

После отмены статьи 6-й Конституции о руководящей роли КПСС территориальные партийные комитеты и ЦК КПСС неуклонно теряли свое влияние. Что касается позиции МИД, то министр отменил рассылку в Международный отдел ЦК КПСС секретных документов и шифртелеграмм посольств, за исключением касавшихся межпартийных связей. КГБ СССР тоже стал весьма выборочно делиться своей информацией. Ряд посольств демонстративно начал отказываться выполнять поручения или просьбы Международного отдела, что вызвало бурное обсуждение на заседании Секретариата ЦК, но этим все и ограничилось.

Но Г. И. Янаев, до избрания вице-президентом имевший рабочий кабинет у нас, в 3-м подъезде на Старой площади, решил вопрос с информацией просто: он передавал Фалину и другим товарищам для ознакомления шифровки на внешнеполитические темы. Аналогичным образом реагировал и В. А. Ивашко.

В своих обращениях в ЦК КПСС Е. К. Лигачев указывал на опасность распада Восточной Европы, угрозу поглощения ГДР ФРГ. В марте 1990 г. Лигачев в письме на имя Горбачёва, в частности, подчеркнул, что «Партия ждет от Центрального Комитета анализа событий в Восточной Европе. Социалистическое содружество распадается. НАТО укрепляется. На первый план вышел германский вопрос»¹³. Не надеясь на то, что Горбачёв доведет его соображения до членов ЦК, Лигачев в своем выступлении 16 марта 1990 г. на завершающем заседании Пленума, помимо сложного положения в сельском хозяйстве, затронул другую тему — в КПСС есть силы, которые хотят

¹² Рябов В. В. Жизнь в ЦК, или ЦК изнутри. М., 2005, с. 173–174.

¹³ Лигачев Е. Кто предал СССР? М., 2009, с. 112.

преобразовать партию в социал-демократическую, ввести частную собственность и реставрировать капиталистические отношения, как это наблюдается в странах Восточной Европы. По мнению Лигачева, в Восточной Европе налицо крупное отступление от социализма. Будучи оптимистом, он полагает, что в историческом плане это — временное поражение. «Говорят, что в силу изменений, произошедших в Восточной Европе, открывается возможность создания единой цивилизации. Возможно. Но происходит совсем другое. Я, конечно, за то, чтобы развивалось мирное сотрудничество различных государств, но не за счет свертывания социализма и укрепления международных позиций капитализма. Между тем все идет в этом направлении. Блок НАТО укрепляется, а социалистическое содружество распадается»¹⁴.

Реальные и фундаментальные оценки обстановки делал и глава правительства СССР Н. И. Рыжков, против которого вели борьбу сторонники Ельцина, «демократическая оппозиция», а также коммунистические радикалы-реформаторы, за которыми была видна фигура Горбачёва. В частности, в ноябре 1990 г. когда большинство депутатов Верховного Совета СССР требовали от президента не призывов и деклараций, а конкретных действий, Рыжков, долго веривший генсеку, выступая на сессии, к сожалению, был вынужден согласиться с предложением Горбачёва о создании Кабинета министров при Президенте вместо полноправного Совета министров СССР, но он отметил, что «страна ввергнута в политический и экономический кризис. Практически началось разрушение единой политической системы. Перестройка, как она задумывалась, захлебнулась. Хаос политический привел к хаосу экономическому. Надо отбросить политические амбиции во имя жизни страны»¹⁵. В декабре 1990 г. на четвертом внеочередном Съезде народных депутатов СССР Н. И. Рыжков, уже понимавший, что Горбачёв затеял радикальную ломку исполнительной власти и что его правительству придется уйти, вновь вернулся к вопросу об итогах пройденного пути: «Как член политического и государственного руководства несу ответственность и заявляю: перестройка в том виде, в каком она замышлялась, не удалась. Политические силы, развернувшие с мая этого года войну против правительства, начали недавно воевать и с Президентом. Их главная цель: нанести удар по государству, по общественно-политическому строю и сломать его окончательно. Идет замена социалистической идеологии на другую. Как и в прошлые годы, мы не смогли в ходе экономической реформы добиться приоритета экономики перед идеологией и перед политикой»¹⁶.

Горбачёв отбивался, лавировал, скрывал свои замыслы. Западные политики ему помогали, в том числе выпустив к XXVIII съезду КПСС мягкое по тону Лондонское заявление НАТО об объединении Германии.

На XXVIII съезде КПСС делегаты, которых, конечно, волновали в первую очередь внутренние проблемы, судьба страны и партии, тем не менее задавали много вопросов по внешней политике. Не ослабляется ли опасность страны односторонними уступками в сфере разоружения под лозунгом «разумной достаточности»? Насколько прослеживало руководство развитие событий, в частности в Восточной Европе, были ли адекватны вызовам принимаемые решения? Что происходит в социалистических странах Европы? Как мы должны к этому относиться? Где позиция ЦК КПСС? Во что нам обойдется вывод войск из стран Восточной Европы? Причем эти и подобные вопросы звучали после того, как Горбачёв в отчетном докладе уже обрисовал свою позицию следующим образом: «Происходят глубокие перемены в Восточной Европе. Когда говорят, что это — «крах социализма», мы задаем встречный вопрос — «какого социализма»? Такого, который был, по существу, вариантом

¹⁴ Материалы Пленума ЦК КПСС 11, 14, 16 марта 1990 г. М., 1990, с. 91–92.

¹⁵ *Воротников В. И.* Хроника абсурда. Отделение России от СССР. М., 2011, с. 265.

¹⁶ Там же. См. также: *Рыжков Н. И.* Десять лет великих потрясений. М., 1996, с. 10.

сталинской авторитарно-бюрократической системы, от которой мы сами отказались? Нас даже упрекают, что мы «уходим отсюда без боя». Выходит, советуют прибегнуть к тому, к чему прибегали раньше, с чем мы решительно порвали и что решительно осуждаем. Да, есть вопрос, куда пойдут эти страны в своем социально-экономическом развитии. Но это вопрос выбора самих народов»¹⁷.

Заведующий Международным отделом ЦК КПСС В. М. Фалин, доложивший съезду о работе секции «Международная деятельность КПСС», отметил, что большинство критических высказываний касалось реализации внешнеполитического курса. По его словам, надуманными являются попытки связать с перестройкой утрату компартиями руководящей роли в большинстве восточноевропейских стран. На съезде, говорил Фалин, приводились факты, показывающие, что ЦК КПСС имел представление о подспудных процессах в этих странах и, насколько позволяли принцип невмешательства, уважение права народов на выбор, стремился воздействовать на ситуацию. Для иллюстрации данного положения Фалин привел такие цифры — с 1986 г. состоялись 103 встречи Горбачёва и 147 встреч других руководителей ЦК КПСС с руководящими деятелями стран Восточной Европы (Но ведь эти цифры ничего не говорят об эффективности этой работы! — В. М.). Однако Фалин все-таки упомянул, что в работе с союзниками были недоработки, в частности, не было достаточно заблаговременного правового обеспечения некоторых сторон нашего сотрудничества, в том числе в области обороны. Сказал он и о преследованиях сторонников социалистических идей в ряде бывших социалистических стран¹⁸.

А. Н. Яковлев же твердил на съезде свое: «Если народы отворачиваются от партий, значит, политика этих партий не воспринимается ими как свое, родное. Когда обвиняют ЦК КПСС в развале социалистической системы, то надо вспомнить, что происходило в 1953 г. в Берлине, в 1956 г. — в Венгрии, в 1968 г. — в Чехословакии. Я был там, и мне до сих пор неловко за эту миссию. Не надо торопиться хоронить социализм в Восточной Европе. Я встречался с Гизи, Могоритой, Миллером, Лиловым. Положение у них нелегкое. Но надежда есть. Я категорически не согласен, когда говорят, что мы развалили мировое коммунистическое движение, разрушили СЭВ и ОВД. Если СЭВ перестроит свою работу, он имеет будущее»¹⁹. Делегат съезда В. И. Воротников, коллега Яковлева по Политбюро, писал об этом выступлении: «В зале шум, смех, выкрики. Для всех ясна обстановка в Восточной Европе. А такой матерый политик, как Яковлев, прошедший школу ЦК КПСС, видный дипломат, политолог, надеется на победу социализма в ГДР, на содружество СЭВ. Ну, лукавит же!». В принятом съездом Программном заявлении «К гуманному, демократическому социализму» было только отмечено, что со странами Восточной Европы надо развивать новые формы политического и экономического сотрудничества²⁰. Никакой детализации этого вопроса не последовало, хотя делегаты съезда предлагали шире осветить вопрос о Восточной Европе.

Впервые на этом съезде КПСС не было иностранных гостей. Такое предложение внес в ЦК Международный отдел. С одной стороны, не хотелось, чтобы наши зарубежные друзья наблюдали бурный всплеск внутренних споров и разногласий, свидетельствовавших о расколе КПСС, хотя за рубежами нашей страны это уже не было тайной. С другой стороны, наше руководство хотело полностью сосредоточиться на съездовских делах, не отвлекаясь на встречи и переговоры с иностранными гостями.

¹⁷ Материалы XXVIII съезда КПСС. М., 1990, с. 33.

¹⁸ XXVIII съезд КПСС. Стенографический отчет, ч. 1. М., 1991, с. 590.

¹⁹ Воротников В. И. А было это так. 2-е допол. изд. М., 2003, с. 448.

²⁰ Материалы XXVIII съезда КПСС, с. 92.

Был еще и чисто финансовый фактор. Такая позиция была одобрена в Политбюро, хотя Лигачев подверг ее критике, усматривая в этом решении отступление от интернационализма.

Позже было решено провести в Москве 14–15 ноября 1990 г. встречу новых руководителей левых партий бывших соцстран. Горбачёв принял их в Кремле, на рабочих заседаниях выступили В. А. Ивашко, Г. И. Янаев, В. М. Фалин и др. Особого следа эта встреча не оставила, хотя попытка обмена опытом адаптации к новым условиям, сопоставления оценок произошедшего краха имели значение. Однако тогда еще существовали КПСС и Советский Союз. Но Д. Тюрмер, глава Венгерской рабочей партии, назвал встречу «похоронами КПСС».

Для объективности следует отметить, что тогда первоочередной проблемой для Горбачёва уже стало удержание власти, спасение имиджа перестройки и предотвращение развала Советского Союза. Из того, что опубликовано в России бывшими сотрудниками Президента — А. С. Черняевым, Г. Х. Шахназаровым и В. А. Медведевым, понятно, что сам Горбачёв вел счет своему правлению буквально на месяцы²¹. Как рассказывает А. С. Черняев, социалистические страны чуть ли не с самого начала являлись обузой для Горбачёва, у него было желание «отпустить» их. Но, как считал другой советник президента К. Н. Брутенц, Горбачёв все-таки понимал важность наличия «дружественного окружения» в период бурных трансформаций в Советском Союзе²². Г. Х. Шахназаров отмечал, что в Москве видели усиление оппозиционных сил, в том числе внутри компартий восточноевропейских стран ЦВЕ, фиксировали разворот политики этих стран на Запад, наблюдали активизацию политики США и их союзников в регионе, но «советское руководство в условиях обострявшегося в стране кризиса и принимавшей все более острые формы политической борьбы не имело ни сил, ни средств этому воспрепятствовать. Откровенно говоря, Горбачёву просто было не до этого. В последний год — полтора своего пребывания у власти он лишь урывками занимался отношениями с соцстранами»²³.

В записках, которые направляли в 1988–1989 гг. в ЦК КПСС по поручению А. Н. Яковлева различные научные центры, высказывались соображения о том, что у Москвы есть два варианта действий: вмешаться или принять к сведению надвигающиеся перемены, т.е. примириться с ними. Но вмешательство будет означать потерю имиджа перестройки, неудачу ее внешней политики. Довольно оптимистически утверждалось, что ОВД может сохраниться, а экономические связи с Советским Союзом восточноевропейские страны вряд ли могут заменить чем-то другим. А к тому времени экономико-финансовый фактор приобрел важнейшее значение. Во всех беседах Президента СССР с руководителями ведущих стран мира, включая богатые арабские и азиатские, возникал вопрос о финансовой помощи Москве. Страна утратила финансовую самостоятельность, теряла политическую независимость. Но, вероятно, Горбачёва беспокоила и личная судьба, об этом есть свидетельства в воспоминаниях В. И. Болдина и сотрудников охраны бывшего президента.

В конце 1989 — начале 1990 г. для Москвы в сфере внешней политики неумолимо возникла задача установления отношений с новыми режимами власти в странах ЦВЕ — с правительством Т. Мазовецкого и «Солидарностью» в Польше, с президентом В. Гавелом и «Гражданским форумом» в Чехословакии, с И. Илиеску и Фронтом национального спасения в Румынии, чуть позже с правительством Й. Анталла

²¹ В Политбюро ЦК КПСС. По записям А. Черняева, В. Медведева и Г. Шахназарова (1985–1991). М., 2006, с. 560–561.

²² Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005, с. 469.

²³ Шахназаров Г. Указ. соч., с. 100.

и Венгерским демократическим форумом в Венгрии и, конечно, с коалиционными правительствами в ГДР (до тех пор, пока республика еще существовала).

О подходах к решению этих задач свидетельствует документ Секретариата ЦК КПСС от 22 января 1991 г. (ст.—15/2) «О развитии обстановки в Восточной Европе и нашей политике в этом регионе». В нем, в частности, подчеркивалось: «Советский Союз заинтересован в хороших, добрососедских взаимоотношениях с государствами региона. Весьма важно, чтобы эти государства проводили по отношению к нам дружественную политику, не были бы источниками антисоветизма, не играли роль внешнего катализатора национального сепаратизма и центробежных тенденций в Советском Союзе, не выступали проводниками политики сил, не оставивших планы перекройки политической карты Европы. Из восточноевропейского региона ни при каких обстоятельствах не должна исходить реальная или потенциальная угроза военной безопасности Советского Союза. При любом развитии событий страны региона должны оставаться свободными от иностранных баз и вооруженных сил. В свою очередь вывод советских войск из стран Восточной Европы должен осуществляться с максимальным учетом нужд и интересов советских военнослужащих»²⁴.

Эти соображения, подготовленные в Международном отделе, представлялись реальными, но практические события разворачивались по-иному. У Горбачёва уже не было влияния, да и отсутствовала воля отстаивать законные интересы своей страны. За полгода он полностью изменил советскую позицию в германском вопросе. Уступки были необъяснимыми. Дело не в том, как говорит сейчас Горбачёв, что нельзя было предотвратить объединение Германии. Он утверждает: «Считаю, что мы можем гордиться выбором, который мы сделали, когда ускорился процесс германского объединения. Он дался нам непросто, учитывая настроения части населения страны и позицию некоторых европейских кругов, пытавшихся руками Советского Союза помешать объединению Германии. Но история подтвердила правильность сделанного нами выбора — не мешать объединению, способствовать его мирному ходу и урегулированию его внешних аспектов. Кто знает, что могло бы произойти в Европе и мире, займи мы иную позицию»²⁵. Здесь Горбачёв опять, как и в связи с ядерным конфликтом, использует страшилки. Что могло бы произойти? Да, ничего страшного. Столкновения НАТО и ОВД не произошло бы. Да, исторически объединение немцев было неизбежно. Но темпы его и условия для нашей страны могли бы быть более выгодными. Советское руководство, персонально президент Горбачёв и министр иностранных дел Шеварднадзе обязаны были добиться более выгодных условий объединения в интересах собственной страны, чтобы ее безопасность была бы обеспечена системой международных договоров, вытекающих из наших прав как державы-победительницы, и связанных с интересами европейской безопасности. Этого сделано не было. Фактически были перечеркнуты итоги победы советского народа во Второй мировой войне.

Авторитетный дипломат, посол СССР при шести президентах США, бывший секретарь ЦК КПСС и советник президента А. Ф. Добрынин отмечал: «Вначале Горбачёв придерживался правильного подхода: объединение Германии должно быть синхронизировано с формированием новой структуры безопасности в Европе. Но он не проявил настойчивости в осуществлении этого важного стратегического плана, что было особенно необходимо в условиях, когда режимы в странах Восточной Европы стали распадаться и весь этот район быстро дестабилизировался. По существу

²⁴ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ), ф. 89, оп. 20, л. 22.

²⁵ Обращение М. С. Горбачёва к участникам VIII Всемирного конгресса Всемирного Совета по исследованиям Центральной и Восточной Европы. 28.VII. 2010. — http://www.gorby.ru/rubs.asp?art_id

Горбачёв по-серьёзному и не пытался предпринимать какие-то практические шаги по реализации такого плана. Его как бы парализовала волна перемен, которая прокатилась по странам Варшавского Договора. Его сбитые с толку коллеги по Политбюро наблюдали (одни с гневом, другие пассивно), как одна за другой бывшие соцстраны порывали с СССР союзнические отношения, которые их связывали в течение жизни целого поколения. Правда, ситуация в отдельных странах обсуждалась на Политбюро от случая к случаю, но это обсуждение носило хаотический характер. На этих заседаниях Горбачёв гневно обвинял руководителей стран Восточной Европы в нежелании реформироваться и в неумении приспособиться к “новому мышлению”. Встревоженный Генштаб бил тревогу по поводу дезинтеграции Варшавского Договора, обращая внимание Горбачёва на проблемы обеспечения безопасности нашей страны в складывавшихся условиях. Однако у Кремля не было никаких планов на случай такого развития событий. Военная интервенция исключалась. Горбачёв лихорадочно повторял свой основной тезис о взаимном с Западом поиске “новой системы безопасности для новой Европы”. Но Запад не проявлял готовности к совместным практическим шагам, хотя на словах охотно поддакивал ему»²⁶.

Следует добавить, что исчезновение ГДР оказало особо пагубное воздействие на все бывшие соцстраны, на всех друзей Советского Союза, окончательно подорвало веру в советскую внешнюю политику. Из советских политиков и дипломатов, пожалуй, один В. М. Фалин решительно подчеркивал недопустимость поглощения ГДР, предлагал тщательно обсудить условия объединения двух германских государств²⁷, но его практическое воздействие на процесс принятия решений на уровне президента СССР уменьшалось. Перед печально знаменитой встречей с канцлером Коелем в Архызе Горбачёв сказал по телефону Фалину в связи с его замечаниями: «Боюсь, что поезд ушел».

Наш видный дипломат, талантливый германист Ю. А. Квицинский писал по поводу развала ГДР: «Окончательно потерявшее голову и перессорившееся руководство ГДР в конце концов вынуждено было 9 ноября открыть границу с Западным Берлином. Берлинская стена пала, после чего вопрос о гибели ГДР был фактически предreshен. Лишенная поддержки Советского Союза, она должна была вскоре либо истечь кровью из-за возобновления массового ухода ее граждан на Запад, либо рухнуть под давлением оппозиции и резко активизировавшихся в ГДР западных немцев. Советское руководство с большим опозданием поняло значение случившегося. В течение еще нескольких месяцев оно пребывало в иллюзиях по поводу возможности сохранения “демократизированной” по перестроечному образцу социалистической ГДР во главе с “обновленным” руководством»²⁸.

Что касается новых руководителей стран ЦВЕ, то в вопросе германского объединения они были на стороне Запада, хотя часть польских политиков не скрывала опасений из-за роста аппетитов ФРГ.

Первое время новые восточноевропейские лидеры еще заявляли о сохранении связей с Советским Союзом, однако о приверженности к ОВД молчали или предлагали распустить коллективную оборонительную организацию. В этом направлении работали и западные партнеры. Ликвидация ОВД, а затем и СЭВ прошла быстро. Расчеты политиков и аналитиков из окружения Горбачёва на то, что наши взаимоотношения сохранятся и будут опираться на новый баланс интересов, на экономическую

²⁶ Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М., 1997, с. 666.

²⁷ Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы. М., 2015, с. 492–493.

²⁸ Квицинский Ю. Россия – Германия. Воспоминания о будущем. М., 2008, с. 161.

заинтересованность оказались иллюзорными. Не имели реальной основы и разговоры о возможной «финляндизации» стран Восточной Европы. Приходится констатировать, что серьезных планов на восточноевропейском направлении нашей внешней политики в Москве в тот момент не было, что подтверждается современными публикациями российских ученых. Из документов обычно ссылаются только на отдельные записки В. В. Загладина в архиве Горбачёв-фонда, представляющие собой отчеты о контактах с западными и восточноевропейскими политиками. Других свидетельств просто нет, да их и не было.

После развала СССР России пришлось заново строить отношения со странами ЦВЕ, включая решение вопросов задолженности, пересмотра некоторых соглашений, урегулирования последствий пребывания советских войск и переоценку сложных проблем общего исторического прошлого. Долгое время, при Ельцине, у нас не было никакой концепции развития связей с регионом ЦВЕ, в основном мы посыпали свою голову пеплом за ошибки прошлого, вина во всех грехах руководство Советского Союза. Сейчас эти отношения в основном отрегулированы, на сугубо прагматической основе. Прежнего доверия и прежних «друзей» нет, как нет и единого региона со своими интересами. Правда, Польша пыталась играть ведущую роль как в Вышеградской группе, так и в рамках Восточноевропейского партнерства (ВЕР) ЕС, надеясь прежде всего приблизить Украину к Брюсселю. Рижский саммит ВЕР (май 2015 г.) показал отсутствие единодушия стран — участниц в вопросах оказания существенной финансово-экономической помощи Украине или Грузии. Первую скрипку в предоставлении кредитов Украине играет МВФ, выделяющий средства на жестких условиях. ЕС также оказывает помощь, отменил визовой режим для туристических поездок украинцев, чем вызвал поток украинских граждан в Европу. Кстати, в России трудится не менее 3 млн украинцев. А что им делать? Дома кризис углубляется, поэтому приходится искать заработки в соседних странах.

Экономические связи между Россией и бывшими европейскими соотечественниками поддерживаются, но их объемы и качество уступают тому, что было до 1991 г. Западные санкции против России, принятые после воссоединения Крыма с нашей страной, способствовали дальнейшему снижению объема торговли со странами ЕС и вообще охлаждению связей. Все бывшие союзные страны, а также прибалтийские республики в духе евроатлантизма следуют в фарватере политики США. На их территориях растет число военных баз блока НАТО или США. Можно констатировать, что США удается поддерживать дисциплину среди своих союзников, хотя крупные европейские страны (Германия, Франция, Италия, Испания) выражают недовольство американским диктатом и стараются проводить в отношении Российской Федерации более взвешенную политику, чем отдельные наши бывшие союзники и друзья, особенно Польша и государства Балтии. Попытки американцев возложить ответственность за внутренний украинский конфликт на Россию и навязать европейцам все новые и новые витки санкций против нашей страны не вызывают восторгов в странах ЕС. Брюссель пытается восстановить престиж своей внешней политики. С одной стороны, в Евросоюзе удовлетворены подписанием с Украиной соглашения об ассоциированном членстве, хотя ценой его стал государственный переворот и экономический кризис. Еззовцы оказывали поддержку режиму П. Порошенко, но вынуждены были критиковать украинскую позицию в отношении выполнения минских договоренностей. С другой стороны, в Брюсселе не торопятся обсуждать вопрос о возможном вступлении Киева в ЕС и НАТО. Вопрос о присоединении Украины к НАТО вообще считается нереальным. У Еврокомиссии, как представляется, нет желания нанести непоправимый урон политическим и экономическим связям с Россией, имеющим большое значение для объединенной Европы. Но американское давление и блоковая дисциплина пока действуют.

Вне всякого сомнения, воссоединение Крыма с Россией, а также несогласие населения юго-востока Украины с националистической политикой Киева, принявшее форму вооруженной борьбы за самостоятельность, в защиту демократических прав и свобод, существенно осложняет сотрудничество России с западным миром, даже вопреки факту достижения Минских договоренностей, чему наша страна содействовала. Переходный период от напряженности в отношениях к конструктивному взаимодействию ради создания условий для равной безопасности может затянуться. США нехотя пошли на сотрудничество с Россией в вопросах борьбы с «Исламским государством». Их дальним замыслом соответствует ослабление роли России в этом регионе. Другим направлением антироссийских устремлений США является навязывание нам нового витка гонки вооружений, разрушение системы разоруженческих договоров. Все более вырисовывается американо-китайское противостояние, задевающее и Россию. Администрация Трампа прибегает к грубым приемам из арсенала «холодной войны», обвиняет Россию во всех смертных грехах, стремясь усилить ее международную изоляцию и, в частности, закрепить разрыв Украины с нашей страной. Добившись своей политикой распада Советского Союза и изменения политического строя в бывших социалистических странах, США и их союзники никоим образом не желают возникновения на постсоветской территории сильных государств, проводящих независимую политику и стремящихся к созданию полицентричной модели международных отношений.

* * *

Но вернемся к оценке событий 1989–1991 гг. Необходимо отметить, что помимо влияния перестройки и гласности в Советском Союзе и воздействия весьма противоречивой политики Горбачёва в отношении социалистических стран Европы, находившихся в предкризисном состоянии, на процесс тектонических перемен в регионе повлиял и фактор западной политики. «В известном смысле ценность Восточной Европы была занижена самой возможностью выхода СССР на новый уровень взаимопонимания с Западом»²⁹, отмечалось в одном документе Международного отдела ЦК КПСС. Помимо просчетов в политической области, существовали иллюзии насчет переноса акцента в экономических связях с Востока на Запад. С провозглашением Горбачёвым «нового мышления» США и их ближайшие союзники сознательно работали ради ослабления роли и влияния СССР в странах ЦВЕ, а также отстранения от власти правящих компартий. Конечно, при этом использовался и весь арсенал средств, применявшийся в годы «холодной войны», включая финансовый рычаг, разного рода приемы, нажим на правительства, закрытые контакты с лидерами оппозиции и пропагандистские каналы. Об этом откровенно свидетельствует бывший директор ЦРУ Роберт М. Гейтс в своей книге «From the Shadows», вышедшей в 2006 г. Цель американцев была одна: используя возможности, предоставляемые политикой Горбачёва, шаг за шагом раскачивать ситуацию, чтобы добиться благоприятных политических перемен. Говоря о советской политике и целях США в те годы, бывший президент Дж. Буш-старший и его советник по вопросам национальной безопасности генерал Б. Скоукрофт пишут в своей книге, что «на первом месте стояла Восточная Европа, где наметившиеся шаги по пути реформ могли дать нам возможность извлечь выгоду из “нового мышления” в Советском Союзе, добиваясь ослабления хватки Москвы». На втором месте стоял «контроль над ядерными и обычными вооружениями»³⁰.

²⁹ Из документа Международного отдела ЦК КПСС от 22 января 1991 г. — РГАНИ, ф. 39, п. 20, д. 22.

³⁰ *Bush G., Scowcroft B. A World Transformed. New York, 1999, p. 15.*

Американские политики того времени отмечают в своих мемуарах, что американская администрация неоднократно ставила тесты Горбачёву, проверяя его приверженность «новому мышлению» и пределы, до которых могла дойти его политика. Для американцев большое значение имело то, что Горбачёв, который вначале считал Р. Рейгана человеком пещерного мышления и сугубым консерватором, все-таки начал переговоры с президентом США, а тот в свою очередь увидел в генсеке партнера, поэтому между ними завязался диалог. Теперь Горбачёв говорит о Рейгане как о великом президенте. Запад приветствовал инициативы Советского Союза по разоружению и сокращению вооруженных сил, в том числе по выводу войск из Центральной и Восточной Европы, что вело к ослаблению советского влияния. При президенте Дж. Буше-старшем, который не торопился давать авансы Горбачёву, американцы предприняли зондаж через Г. Киссинджера, прибывшего в январе 1989 г. в Москву с письмом от президента США. В беседе с Горбачёвым американец предложил сделку: США пойдут на расширение политических контактов с Москвой, помогут облегчить бремя военных расходов и в других областях, но в обмен на спокойные перемены в Восточной Европе. Киссинджер выдвинул идею, чтобы Буш договорился с Горбачёвым о совместных действиях по либерализации обстановки в Восточной Европе на базе обязательства США не действовать против интересов безопасности Советского Союза³¹. Формально Горбачёв не согласился, опасаясь ревности со стороны Западной Европы, но разговор на эту тему был продолжен затем официально с госсекретарем Дж. Бейкером, который отказался от услуг Киссинджера и замкнул эти вопросы на себя, придя к выводу, что советский генеральный секретарь и его министр иностранных дел являются в этом деле перспективными партнерами. А для того, чтобы Москва не закрыла дверь в Восточную Европу, надо идти «через Москву», поскольку изменения в регионе происходят под влиянием перемен в Советском Союзе и в соответствии с его новой политикой и его новыми интересами. Одновременно Дж. Буш, да и М. Тэтчер, у которой были свои доверительные контакты с Горбачёвым, заверяли советского лидера, что США не будут угрожать интересам СССР в Восточной Европе, не будут эксплуатировать внутренние трудности в социалистических странах. Запад выступает за то, уверяли они, чтобы это были сугубо внутренние процессы и вмешиваться в них, «подстегивать декоммунизацию Восточной Европы мы не станем».

Верил ли этому всему Горбачёв? Очевидно, верил отчасти, но просил своих оппонентов в руководстве КПСС не мешать ему в установлении контактов с международными партнерами. Но во время встречи с президентом США на Мальте в декабре 1989 г. Горбачёв заявил, что доктрина Брежнева мертва, подтверждая тем самым, что Советский Союз не будет, как в прошлом, вмешиваться в события в Восточной Европе. Дж. Буш потребовал не мешать процессам независимости республик Балтии, ослабить связи с Ф. Кастро, прекратить поддержку сандинистов в Никарагуа и других антиамериканских движений в Латинской Америке. Горбачёв в беседе с Бушем признал, что его критикуют за нейтральное поведение в подходе к проблемам социалистических стран, но, дескать, нет повода вмешиваться, поскольку никто не просит об этом, да и все перемены проходят в конституционном поле.

Не могу забыть, как после Мальты член Политбюро ЦК ВСРП Я. Берез спросил меня: «Ну, что, продали нас?». Бывший генеральный секретарь ЦК ВСРП К. Грос, ссылаясь на свои беседы в 1988 г. с Дж. Бушем и Ф. Миттераном, а также с В. А. Крючковым и Э. А. Шеварднадзе, писал в 1994 г., что Запад тогда готовился к отмене Ялтинских договоренностей и смене расстановки сил в регионе, а Советский Союз готовился к ослаблению политических и экономических связей с социалистическими

³¹ Брутенц К. Н. Указ. соч., с. 485.

странами, вел торг с американцами³². Ранее подобную позицию о невмешательстве излагал А. Н. Яковлев во время своих рабочих визитов в Венгрию и Чехословакию в конце 1988 г. Но начавшаяся дестабилизация в «братских странах» коренным образом все меняла, уменьшение присутствия Советского Союза в странах ЦВЕ, наметившийся уход ГДР автоматически вели к усилению роли США и НАТО. Вакуума быть не могло. Горбачёва беспокоил данный вопрос. 10 ноября в посланиях Бушу, Колю, Тэтчер и Миттерану он заявил, что есть два германских государства и что Москва будет защищать свои интересы. Как отмечает Буш в своих мемуарах, «Горбачёв явно проявил подлинное беспокойство по поводу событий в Восточной Европе. До сих пор он казался безучастным, даже зачарованным убыстряющимся отходом региона от коммунизма и советского контроля»³³. В мае 1990 г. в Москве советский лидер заявил Бушу: «У меня есть данные о том, что вы в своей политике стремитесь отделить восточноевропейские страны от Советского Союза». Но это была запоздалая и беспомощная констатация. Решительной позиции советский лидер опять не занял. По оценке американских исследователей Бешлосса и Тэлботта, Горбачёв «никогда не предвидел, что в несколько месяцев Восточная Европа сойдет с советской орбиты и что Варшавский пакт рухнет. Из смелого инициатора революции он превратился в сбитого с толку свидетеля собственных действий»³⁴.

Оправдывая свою политику Горбачёв, как правило, утверждает, что его напрасно обвиняют в том, что он, мол, отдал Восточную Европу, отпустил на свободу ее народы. В своей книге «Наедине с собой» он пишет: «Начав перестройку, смысл которой состоял в том, чтобы дать свободу своему народу, советское руководство должно было признать такое право и за другими странами. Я уже отмечал, что мы по принципиальным основаниям отказались от так называемой “доктрины Брежнева”, от вмешательства в дела “братских стран” Варшавского договора. Это было одним из важнейших шагов по освобождению от наследия сталинизма. Москва до конца оставалась верной взятым обязательствам. Советское руководство, убежден, поступило правильно, не допустив вмешательства в те перемены, которые произошли в странах Центральной и Восточной Европы. Меня до сих пор упрекают в том, что будто бы я кому-то “отдал” эти страны. Но если мы кому-то их и “отдали”, то только народам самих этих стран»³⁵.

В то же время, говоря об ошибках и просчетах Горбачёва и его советников, не следует думать, что американцы, раскачивая ситуацию в странах Восточной Европы и нейтрализуя Советский Союз, предвидели все последствия своей политики. «Лавина освобождения» в бывших соцстранах удивила даже «творцов» американской политики, хотя эти перемены в целом подтверждали их расчеты. Об этом откровенно написал Р. Гейтс, бывший министр обороны и директор ЦРУ: «По правде говоря, американское правительство, включая ЦРУ, в январе 1989 г. и думать не могло, что волна истории вот-вот обрушится на нас. Действительно, мы знали о том, что в Советском Союзе должны произойти драматические изменения, однако было неясно: дальнейшие реформы осуществляются в скором будущем или произойдет возврат к репрессиям в условиях, когда экономический кризис и догматический национализм разрушали государственные институты и общественный порядок. Мы также знали, что в Восточной Европе вновь формируется давление в пользу перемен, и это давление усиливалось драматическими изменениями, происходящими в СССР. И хотя некоторые люди в своих воспоминаниях стали очень мудрыми и проницательными, я не знаю ни одного человека в правительстве или вне правительства, кто мог бы предсказать

³² A puha diktatura'to'l a keme'ny demokraciaig. Budapest, 1994, 106 o.

³³ Bush G., Scowcroft B. Op. cit., p. 150.

³⁴ Beschloss M., Talbott S. At the Highest Levels. New York, 1993, p. 467.

³⁵ Горбачёв М. С. Наедине с собой. М., 2012, с. 457–458.

в начале 1989 г., что еще до следующих президентских выборов Восточная Европа станет свободной, объединенная Германия вступит в НАТО, а Советский Союз превратится в артефакт истории. Легко было сказать, что это неизбежно произойдет. Но сказать, когда это случится, было невозможно, и никто не сделал этого — ни на Востоке, ни на Западе»³⁶.

Что касается оправданий Горбачёва, то возникают вопросы, о каких обязательствах Советского Союза говорит экс-президент? О договорных, двусторонних с соцстранами? О тех, что были связаны с Варшавским договором? Об интеграционных программах СЭВ? Наконец, о политико-идеологических обязательствах, вытекающих из общности позиций и солидарности компартий, стоявших у власти во всех бывших соцстранах? В правовом смысле Горбачёв эти обязательства не отменил, он не оформил юридически прекращение их действительности, за исключением Варшавского Договора, но он провозгласил фактический отход от них в своих речах и заявлениях о новом мышлении, об отказе от классового подхода и о самостоятельности каждой правящей компартии и ее ответственности перед своим народом. «Доктрины Брежнев» не существовало в виде документа, под ее вербальной отменой подразумевался отказ от вмешательства, тем более коллективного, в дела соцстран под предлогом защиты завоеваний социализма. Да, Горбачёв прав, когда говорит о том, что в его внешней политике не было военного вмешательства, как в 1956 и 1968 гг. Но бывший генсек и президент СССР не упоминает о других формах вмешательства — о разного рода непрошенных советах и рекомендациях со стороны Кремля, о навязывании опыта перестройки, о подталкивании смены высшего руководства в соцстранах. Он молчит о переориентации экономических связей на капиталистический рынок, о финансово-экономической зависимости от Запада, о стремлении свернуть «невыгодное» экономическое сотрудничество с союзниками, переведя его на мировые цены и расчеты в валюте, наконец, о том, что об обещанной реформе СЭВ было забыто и что на последней стадии сотрудничества Советский Союз превращался в должника бывших соцстран. Кроме того, в контексте перестроечной политики Горбачёва, в его подходе к ситуации в Европе «свобода выбора» восточноевропейских стран, о которой говорил президент СССР, после свершившейся смены режимов власти неизбежно вела к разрыву союзнических военно-политических и экономических связей, не говоря об идеологической общности, которая исчезла еще ранее, и естественно к распаду ОВД и СЭВ.

Горбачёв объяснял развал этих организаций просто — «мы разошлись с друзьями», но у него хватило ума отменить поездку в Прагу летом 1991 г. на «похороны» Варшавского Договора, хотя президент В. Гавел усиленно приглашал его, действуя в том числе и через «друга» З. Млынаржа. Вместо себя Горбачёв отправил в Прагу Г. И. Янаева. Подпись вице-президента стоит под протоколом о прекращении действия Варшавского Договора от 1 июля 1991 г.

Несомненно, формы и методы сотрудничества с соцстранами нуждались в обновлении. Об этом шла речь на совещании на высшем уровне по вопросам СЭВ в 1984 г. еще при К. У. Черненко. Об этом говорили постоянно после 1985 г. при правлении Горбачёва. Социалистические страны имели право на свободу от опеки, от советского патернализма. Руководители соцстран осознавали, что перестройка Горбачёва меняет систему координат советской политики. «Старший брат» погружаясь в пучину перемен, теряя управляемость собственной страной, скатываясь в финансово-экономический кризис, утрачивал интерес к своим союзникам. Советский Союз не имел возможности оказать им, как это бывало в прошлом, эффективную помощь. Фактически же непредвиденное для высшего советского руководства развитие событий внутри

³⁶ Gates R. M. From the Shadows. New York, 2006, p. 449.

Советского Союза, социалистического содружества и перемены на мировой арене расставили все по своим местам — страны ЦВЕ отделились от Москвы, где в высшем руководстве созрело желание к разводу, правда, не в такой драматичной форме, как полный разрыв, регион пошел по своему пути смены общественного строя, разворачиваясь в сторону США и Западной Европы. Оправдываясь, Горбачёв в июле 1991 г. сказал Г. Колю: «Мы им «надоели». Но и они нам надоели». В дальнейшем Горбачёв так объяснял свою позицию: «Процесс перемен в такой стране, как наша, не мог быть простым. Мы это понимали, хотя не все могли предвидеть. Но среди всех перипетий этих бурных лет мы смогли удержать курс на мирные перемены, довести их до того рубежа, когда движение вспять стало уже невозможным. Путь России к демократии был открыт. Одновременно мы признали на деле свободу выбора народов соседних стран, отказались от доктрин, лишавших их реальной самостоятельности. Это позволило начать мирные трансформации в странах Центральной и Восточной Европы»³⁷.

Но отнюдь не все из сказанного Горбачёвым соответствует фактам. «По отношению к подопечным странам Советский Союз, КПСС, — отмечал известный ученый и общественный деятель академик О. Т. Богомолов, — долгое время выступали как догматически консервативная сила. Нельзя не отдать должное Горбачёву, который провозгласил отказ от патернализма, подлинное равноправное партнерство и право каждого народа делать свой собственный выбор. Но эта декларация и запоздала, и не всегда сопровождалась делами»³⁸. Сам Горбачёв в связи с 25-летием начала перестройки отмечал, что она дала импульс переменам в странах ЦВЕ, которые позволили «в мирной ненасильственной форме выйти из тоталитарной системы и начать движение к свободному, демократическому обществу», в то же время подчеркивал, что «это движение продолжается, и для всех наших стран оно оказалось сложнее и труднее, чем это виделось многим в начале пути»³⁹.

Но в отличие от своих прежних заявлений бывший президент Советского Союза теперь говорит не только о достижениях своей политики перестройки, но и о просчетах и об «ошибках, за которые пришлось заплатить дорогой ценой»⁴⁰. Двумя самыми своими большими ошибками он считает опоздание с реформированием Советского Союза и преобразованием КПСС в демократическую партию современного типа. На апрельском (1991) Пленуме ЦК Горбачёв согласился не покидать пост генсека КПСС, но сейчас он заявляет, что это была ошибка. Видимо, он сделал свой выбор, но пока решил не расставаться с постом генсека КПСС, хотя партию считал консервативной силой.

В письме В. Ярузельскому от 6 июля 2009 г. Горбачёв писал: «Много мы с тобой всего пережили и, довольно часто встречаясь, размышляли о судьбах своих стран, о Европе и мире — на том крутом перевале, когда нас история бросила вместе в свой стремительный поток. Считаю до сих пор, что больших ошибок мы не совершили. Добиться всего того, чего хотели, не смогли, но сделали немало. Не надо ни о чем жалеть». Горбачёв признает, что не сумел воспользоваться первоначальной безусловной поддержкой народа. Он даже иногда допускает, что в его действиях было «много наивного и утопичного», но он, дескать, сознательно шел на риск политической дестабилизации, чтобы вывести людей из апатии⁴¹. Но в отношении функций КПСС

³⁷ Выступление М. С. Горбачёва в Филадельфии 19 сентября 2008 г. при вручении американской «Медали свободы» — www.gorbi.ru/rubrs.asp?art_id-26120&paig-2

³⁸ Богомолов О. Т. Размышления о насущном. М., 2003, с. 14.

³⁹ Из обращения М. С. Горбачёва к участникам VIII Всемирного конгресса Международного Совета по исследованиям ЦВЕ 28.VII.2010.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Зубок В. Неудавшаяся империя. Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачёва. М., 2011, с. 452.

генеральный секретарь, ставший в 1990 г. Президентом СССР, давал двусмысленные сигналы, что особенно проявилось после выборов 1989 г. Компартия должна была остаться идейной направляющей силой, она должна была заниматься и подбором кадров, но властные полномочия переходили к Советам, в руководство которых по возможности, как считал Горбачёв, следовало избирать и руководителей территориальных парторганизаций. Это противоречие, вместе с оголтелой антипартийной критикой, фактически разрушило структуры КПСС.

Второе «освобождение» Восточной Европы, на этот раз не от фашизма, как в 1945 г., а от своего «освободителя» — Советского Союза, рассыпавшегося в ходе перестройки, а также провал социалистических режимов в странах ЦВЕ, роспуск Организации Варшавского договора и ликвидацию СЭВ нельзя отнести к историческим успехам политики бывшего президента Советского Союза. По всей видимости, по этой причине Горбачёв так мало внимания уделяет бывшим социалистическим странам в своих последних объемистых книгах, подводящих итоги его жизни⁴².

Следует отметить, что позиция Горбачёва очень комфортная — «констатация тех или иных ошибок в ходе перестройки не может перечеркнуть ее основных достоинств». По его мнению, поражение перестройки в тактических просчетах, а не в замыслах. Сыграл свою роль и субъективный фактор⁴³. Но до сих пор Горбачёв сожалеет, что «не удалось довести корабль, у руля которого я был поставлен, в спокойные воды, не получилось завершить реформирование страны, не удалось удержать перестройку в рамках моих замыслов. Переживаю, потому что моя ответственность была велика как в масштабах Советского Союза, так и в мировой политике»⁴⁴.

Очевидно, что развал Советского Союза стал результатом воздействия множества факторов, но прежде всего краха политики перестройки. Продолжается дискуссия по поводу влияния устаревшей экономической модели, построенной на плановом хозяйстве и административно-командной системе управления, и по вопросу о степени технологического отставания советской промышленности. Выводы некоторых ученых и публицистов о нежизнеспособности экономики СССР не всегда и не во всем подтверждаются объективными данными. Расходы на ВПК, которые, как широко считается, послужили причиной экономического провала, в 80-е годы составляли 10% ВВП (не 20% — 40% от национального дохода, как утверждал Горбачёв). Многие ученые, особенно левой политической ориентации, полагают, что основной причиной кризиса стали непродуманные экономические реформы Горбачёва в 1985—1990 гг. В итоге произошло резкое обострение ситуации. Уровень жизни населения ухудшился. Потребительский рынок был опустошен. Финансовая система пришла в упадок. Если в 1985 г. внешний долг СССР составлял примерно 30 млрд долл., то в 1991 г. он вырос до 120 млрд долл. Золотой запас сократился в 10 раз. Экономика страны погрузилась в глубокий кризис, что не могло не подталкивать центробежные процессы⁴⁵. Кризис правящей партии — КПСС, ее отстранение от управления государством, сдача идеологических позиций, несомненно, способствовали разрушению советской государственности. Другими факторами развала СССР были ошибки Горбачёва во внутренней политике, в том числе хаотическая демократизация, безконтрольное применение гласности, ставшей для оппозиции средством манипулирования общественным мнением. Нагнетание националистических, шовинистических страстей, разжигание

⁴² Горбачёв М. С. Наедине с собой: *его же*. После Кремля. М., 2014.

⁴³ Личный архив. Запись выступления М. С. Горбачёва в ноябре 1995 г.

⁴⁴ Горбачёв М. С. Наедине с собой, с. 603, 606.

⁴⁵ Из выступления депутата Госдумы, зампреда ЦК КПРФ Д. Г. Новикова на симпозиуме в Пекине в апреле 2011 г. Полный текст приведен в книге: Галенович Ю. М. Китайские поминки по КПСС и СССР. М., 2011, с. 50—53.

конфликтов на национальной почве во многих регионах, в том числе с использованием оружия, способствовало дискредитации власти в республиках, смене руководства и вело к разрыву единого политического и народнохозяйственного механизма федеративного государства. Нет объяснения, почему горбачёвское руководство не занималось seriously национальным вопросом.

Подводя итоги, можно констатировать, что среди основных причин кардинальных перемен в Восточной Европе в 1985–1991 гг. следует назвать сильный импульс от советской перестройки, попытки переноса ее на социалистические страны, что явно свидетельствовало о командном, патерналистском мышлении Горбачёва и его нежелании расстаться с руководящей, главенствующей ролью КПСС среди компартий соцстран. Другой причиной было игнорирование проблем и трудностей этих стран, что вытекало из легковесной и недальновидной политики в отношении своих ближайших союзников, проводимой советским руководством во главе с Горбачёвым в 1986–1991 гг. По мере нарастания провала перестроечного процесса и развертывания «демократических», а по сути дела — антикоммунистических революций в странах ЦВЕ советское руководство, не ожидавшее такого стремительного хода разрушительных процессов, потеряло заинтересованность в делах своих ближайших друзей в Восточной Европе. Наиболее показательным в этом отношении было согласие Горбачёва на американско-западногерманский вариант решения германского вопроса, включавший поглощение ГДР и присоединение территории Восточной Германии к НАТО. Из всех вариантов объединения Германии был выбран наиболее ущербный для нашей страны, полагает видный дипломат и ученый В. М. Фалин⁴⁶.

Важнейшую роль в кардинальных переменах в Восточной Европе сыграли широкие оппозиционные выступления против прежних однопартийных режимов, оставшихся без поддержки Москвы. В этих условиях произошла смена поведения политического класса, правящих компартий соцстран, с опозданием отстранивших от власти устарелое догматическое руководство и оказавшихся неспособными договориться со своим народом, предложить эффективный выход из кризисной ситуации.

Помимо этих факторов, надо учитывать, что в условиях ослабления и затем прекращения «холодной войны» и трансформации внешней политики Советского Союза США и ведущие западные страны умело и последовательно использовали в своих интересах все слабости и просчеты нового политического курса руководства СССР, промахи его амбициозного лидера и, конечно, кризис власти в бывших соцстранах. Некоторые российские исследователи, например, академик РАН С. Ю. Глазьев считает, что вообще утверждения, будто Советский Союз распался под влиянием внутренних трудностей, не выдерживают критики. Развал СССР не обошелся без активной работы западных агентов влияния и американских спецслужб⁴⁷. Бывший госсекретарь США Мадлен Олбрайт отметила, что президент США Буш-старший «руководил распадом Советской империи». Американцы своевременно почувствовали ослабление позиций Горбачёва и переключились на поддержку Ельцина. Дж. Бейкер, госсекретарь США в те годы, писал: «Осуществление нами перехода от Горбачёва к Ельцину было эффективной акцией, и она принесла Соединенным Штатам существенные выгоды во многих отношениях»⁴⁸.

Антикоммунистические революции в странах Восточной Европы, получившие западную поддержку и приведшие к быстрой смене общественного строя, оказали существенное влияние на последовавший через два года развал Советского Союза.

⁴⁶ Интервью В. М. Фалина. — Московский комсомолец, 11.IX.2015.

⁴⁷ Глазьев С. Последняя геополитическая партия: США начинают и проигрывают. — *Международная жизнь*, 2015, № 9.

⁴⁸ Baker J. A. *Politics of Democracy. Revolution, War and Peace*. 1989–1992. New York, 1995, p. 474.

В этой связи не могу не сослаться на оценку, данную профессором К. Н. Брутенцем, преодолевшим в конце своего политического и научного пути «очарованность Горбачёвым» и отметившим в своей книге «Великая геополитическая революция», что «России удивительно не повезло. В конце XX в. у государственного руля в ней встал пораженческий тандем М. Горбачёва и сменившего его Б. Ельцина — людей случайных, политиков недалеких и мелкотравчатых, но властолюбивых, тщеславных и самовлюбленных, а главное — политиков антинациональных, готовых ради личных интересов поступиться интересами страны, встать под иностранный “зонтик”»⁴⁹.

За время правления Горбачёва произошло существенное ослабление военной мощи нашего государства. Маршал С. Ф. Ахромеев (в 1984–1988 гг. начальник Генштаба Вооруженных сил СССР, с 1990 г. — советник президента) летом 1991 г. высказался так: раньше ему думалось, что Горбачёв разрушает оборонительный потенциал страны по незнанию, но теперь он пришел к выводу, что президент делает это сознательно. О странных, односторонних решениях Горбачёва в вопросах обороноспособности и сокращения вооружений, принятых в единоличном порядке, пишет в своих мемуарах и бывший министр обороны Советского Союза маршал Д. Т. Язов. Он приводит развернутое выступление по этим вопросам генерала В. И. Варенникова во время суда по делу ГКЧП⁵⁰. Политика разрушения вооруженных сил продолжалась и при президентстве Ельцина.

Острые оценки деятельности Горбачёва и Ельцина вполне обоснованны, за ними стоят убедительные факты. Развал великой страны и связанных с ней межгосударственных структур действительно прошел, как пишет российский историк А. Фурсов, через две фазы — горбачёвщину и ельцинщину⁵¹. Поражение перестройки нанесло удар по исторической России. Процессы, порожденные этим неудавшимся социалистическим проектом, действуют и поныне, затрудняя консолидацию нашего общества. По моему убеждению, крах перестроечного проекта, ощутимый в 1987 г. и ставший вполне очевидным в 1989 г., привел к развалу прежнего консенсуса различных политических сил, ратовавших за перемены в стране, а авторы перестройки оказались не способными подвести под нее новую социальную базу, включая и обновленную, реформированную компартию. В итоге политическая инициатива перешла в руки прозападной, крикливой либеральной оппозиции в центре, в Москве, и националистических кругов в республиках и автономиях, к которым сразу присоединилось большинство номенклатурных коммунистических кадров. Действуя совместно, используя социальную демагогию, они сдали прежнего кумира Горбачёва и перестройку, поставили у власти в России политика «дуболомного типа» — Ельцина и завершили разрушение советской государственности, за которую в ходе Великой Отечественной войны отдали жизни миллионы граждан Советского Союза.

Оглядываясь на истекшие почти три десятилетия, надо объективно признать, что В. В. Путин, нынешнему руководству России удалось в значительной степени восстановить и консолидировать международные позиции, утраченные после развала Советского Союза в 1991 г. Но современная ситуация, особенно в свете обстановки на Ближнем Востоке, украинского кризиса, американских и еэсовских санкций против России, в основе которых лежит не столько реакция на возврат Крыма, сколько стремление обуздать и подчинить себе Россию, сменить ее руководство, остается сложной. Вопрос не в том, когда было хуже — во времена чеченских войн, конфликта с Грузией и т.д. Речь идет о повторении худших сценариев «холодной войны», дополненных приемами «информационных войн» и «цветных революций», которые после

⁴⁹ Брутенц К. Н. Великая геополитическая революция. М., 2014, с. 606.

⁵⁰ Язов Д. Т. Удары судьбы. Воспоминания солдата и маршала. М., 2014, с. 404–410, 427–429.

⁵¹ Фурсов А. Интервью газете: Культура, 5–11.XII.2014, № 43.

украинской репетиции пытаются применить в России и на постсоветском пространстве. При этом многие авторитетные политики в США и ЕС, говоря о сдерживании и изоляции России, заявляют, что они, дескать, не хотят, чтобы нынешняя конфронтация привела к военному конфликту между Россией и Западом. Можно ли верить таким высказываниям? Не запугивают ли нас? Очевидно, нам имеет смысл сосредоточиться на главном. Продолжая курс на возрождение страны, на защиту ее суверенитета и независимости, нам надо упорно трудиться, а не просто «только верить» в великую Россию. Прежде всего, необходимо последовательно проводить многовекторную внешнюю политику, работать с общественным мнением зарубежных стран, не допуская изоляции России, активнее использовать антикризисные мероприятия, не упоывая исключительно на рыночные воздействия. Важнейшая задача — проведение модернизации нашей экономики и оборонного потенциала, существенное уменьшение финансово-экономической привязки к Западу, без чего затруднительно обеспечить подлинную политическую и экономическую независимость России. Контакты с ЕС и США нужны. Но недопустимо надеяться на приход более реалистически настроенной администрации США и опять прогибаться перед Вашингтоном, как это было после 1991 г. Исходя из уроков современной истории, нельзя, наконец, поддаваться на посулы различных западных «друзей» и их российских приспешников-либералов. Россия, как сказал В. В. Путин, не торгует своим суверенитетом.

Время расставит все проблемы по своим местам, в соответствии с их реальным весом, включая и наши отношения с Украиной и Грузией. В частности, ближайшие годы должны продемонстрировать результативность переориентации Москвы на более тесное сотрудничество с государствами БРИКС, прежде всего с Китаем, и вообще поворот в сторону АТР. К тому же переговорная тематика российско-американских отношений не исчерпывается только ситуацией на Украине. Свежий пример — действия России в Сирии, предложения нашей страны о создании широкой антитеррористической коалиции, о более эффективной координации действий.

Встречи В. В. Путина и Д. Трампа в Хельсинки и Осаке показала возможность диалога между США и Россией, их возрастающую ответственность за сохранение мира. Новые встречи лидеров двух стран, обмены визитами могут принести при соответствующей подготовке существенные договоренности, важные с позиций обеспечения международной безопасности. В этой связи возникает вопрос, насколько способен Д. Трамп обеспечить реализм внешней политики США, сможет ли он противостоять своим противникам? Как долго внутри США сохранится нынешний антироссийский настрой, в том числе в ближневосточных делах и на пространстве ЕС. Дискуссии по вопросу о санкциях США и ЕС против России обостряются. Станет ли более реальным подход западных держав к националистической, милитаристской позиции Киева? Смогут ли они влиять на новое, после президентских выборов, правительство Украины в интересах выполнения Минских договоренностей? Что делать с Донбассом, с юго-востоком Украины? Каковы реальные перспективы выравнивания российско-украинского сотрудничества? Насколько сбалансированы интересы стран СНГ, продвигающие создание евроазиатского блока? Ясно, что внешняя политика России, построенная на учете национальных интересов, не должна скатываться к самоизоляции, ей всегда были присущи творческий заряд и умение находить точки соприкосновения с партнерами в подходе к острым вопросам международной жизни.

Библиография

- Богомолов О. Т. Размышления о насущном. М., 2003.
Болдин В. И. Крушение пьедестала. М., 1995.
Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005.
Брутенц К. Н. Великая геополитическая революция. М., 2014.

- Воротников В. И.* А было это так. М., 2003.
- Воротников В. И.* Хроника абсурда. Отделение России от СССР. М., 2011.
- Выступление М. С. Горбачёва в Филадельфии 19 сентября 2008 г. при вручении американской «Медали свободы» — www.gorbi.ru/rubrs.asp?art_id-26120&raig-2 (дата обращения 15.03.2019)
- Гайдар Е.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2012.
- Галенович Ю. М.* Китайские поминки по КПСС и СССР. М., 2011.
- Глазьев С.* Последняя геополитическая партия: США начинают и проигрывают. — *Международная жизнь*, 2015, № 9.
- Горбачёв М.* Жизнь и реформы, кн. 2. М., 1995.
- Горбачёв М. С.* Наедине с собой. М., 2012.
- Добрынин А. Ф.* Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М., 1997.
- Золотарев В. А., Путилин Б. Г.* Месть за победу. Советский Союз и холодная война. М., 2014.
- Зубок В.* Неудавшаяся империя. Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачёва. М., 2011.
- Из документа Международного отдела ЦК КПСС от 22 января 1991 г. — *РГАНИ*, ф. 39, п. 20, д. 22.
- История современной России. Документы и материалы (1985–1999), ч. I.* М., 2011.
- Квицинский Ю.* Россия — Германия. Воспоминания о будущем. М., 2008.
- Князев Ю. К.* Современная экономика — синтез рынка и социального регулирования. М., 2014.
- Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы.* М., 2015.
- Леонов Н. С.* Лихолетье. М., 1994.
- Лигачев Е.* Кто предал СССР? М., 2009.
- Материалы Пленума ЦК КПСС 11, 14, 16 марта 1990 г. М., 1990.
- Медведев В. Распад.* Как он назревал в «мировой системе социализма». М., 1994.
- Медведев Р.* Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи. М., 2010.
- Неоконченная история. Три цвета времени. Беседы М. С. Горбачёва с политологом Б. Ф. Славным.* М., 2005.
- Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя.* М., 2011.
- Российский государственный архив новейшей истории*, ф. 89, оп. 20, л. 22.
- Рыжков Н.* Перестройка: история предательств. М., 1992.
- Рыжков Н. И.* Десять лет великих потрясений. М., 1996.
- Рябов В. В.* Жизнь в ЦК, или ЦК изнутри. М., 2005.
- Социалистические страны и страны капитализма в 1986 г. Статистический сборник.* М., 1987.
- Фалин В.* Без скидок на обстоятельства. М., 1999.
- Фалин В. М.* Конфликты в Кремле. М., 1999.
- Фурсов А.* Интервью газете: *Культура*, 5–11.XII.2014, № 43.
- Хобсбаум Э.* Век революции. Европа 1789–1848. Ростов-на-Дону, 1999.
- Шахназаров Г.* Цена свободы. Реформация Горбачёва глазами его помощника. М., 1993.
- Язов Д. Т.* Удары судьбы. Воспоминания солдата и маршала. М., 2014.
- Яковлев А.* Сумерки. М., 2003.
- Яковлев А. Н.* Перестройка 1985–1991. Документы. М., 2008.

References

- A puha diktatura'to'l a keme'ny demokraciaig. Budapest, 1994, 106 o.
- Baker J. A.* Politics of Democracy. Revolution, War and Peace. 1989–1992. New York, 1995.
- Beschloss M., Talbott S.* At the Highest Levels. New York, 1993.
- Bush G., Scowcroft B.* A World Transformed. New York, 1999.
- Gates R. M.* From the Shadows. New York, 2006.
- References
- A puha diktatura'to'l a keme'ny demokraciaig. Budapest, 1994, 106 o.
- Baker J. A.* Politics of Democracy. Revolution, War and Peace. 1989–1992. New York, 1995.
- Beschloss M., Talbott S.* At the Highest Levels. New York, 1993.

- Bogomolov O. T.* Razmyshleniya o nasushchnom. Moskva, 2003.
- Boldin V. I.* Krusheniye p'yedestala. Moskva, 1995.
- Brutents K. N.* Nesbyvsheyesya. Neravnodushnyye zametki o perestroyke. Moskva, 2005.
- Brutents K. N.* Velikaya geopoliticheskaya revolyutsiya. Moskva, 2014. *Vorotnikov V. I.* A bylo eto tak. Moskva, 2003.
- Bush G., Scowcroft B.* A World Transformed. New York, 1999.
- Dobrynin A. F.* Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentakh SSHA (1962–1986 gg.). Moskva, 1997.
- Falin V.* Bez skidok na obstoyatel'stva. Moskva, 1999.
- Falin V. M.* Konflikty v Kremle. Moskva, 1999.
- Fursov A.* Interv'yu gazete: Kul'tura, 5–11.XII.2014, № 43.
- Galenovich Yu. M.* Kitayskiye pominki po KPSS i SSSR. Moskva, 2011.
- Gates R. M.* From the Shadows. New York, 2006.
- Gaydar Ye.* Gibel' imperii Uroki dlya sovremennoy Rossii. Moskva, 2012.
- Glaz'nev S.* Poslednyaya geopoliticheskaya partiya: SSHA nachinayut i proigryvayut. — *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2015, № 9.
- Gorbachev M.* Zhizn' i reformy, kn. 2 Moskva, 1995.
- Gorbachov M. S.* Nayedine s soboy. Moskva, 2012.
- Iz dokumenta Mezhdunarodnogo otdela TSK KPSS ot 22 yanvarya 1991 g.* — *RGANI*, f. 39, p. 20, d. 22. *Istoriya sovremennoy Rossii. Dokumenty i materialy (1985–1999)*, ch. I. Moskva, 2011.
- Khobsbaum E.* Vek revolyutsii. Yevropa 1789–1848. Rostov-na-Donu, 1999.
- Knyazev Yu. K.* Sovremennaya ekonomika-sintez rynka i sotsial'nogo regulirovaniya. Moskva, 2014.
- Konets epokhi. SSSR i revolyutsii v stranakh Vostochnoy Yevropy v 1989–1991 gg. Dokumenty.* Moskva, 2015.
- Kvitsinskiy Yu.* Rossiya — Germaniya. Vospominaniya o budushchem. Moskva, 2008.
- Leonov N. S.* Likholet'ye. M., 1994. *Ligachev Ye.* Kto predal SSSR? Moskva, 2009.
- Materialy Plenuma TSK KPSS* 11, 14, 16 marta 1990 g. Moskva, 1990.
- Medvedev R.* Sovetskiy Soyuz. Posledniye gody zhizni. Konets sovetской imperii. Moskva, 2010.
- Medvedev V.* Raspad. Kak on nazreval v «mirovoy sisteme sotsializma». Moskva, 1994.
- Neokonchennaya istoriya. Tri tsveta vremeni. Besedy M. S. Gorbachova s politologom B. F. Slavinym.* Moskva, 2005.
- Revolutsii i reformy v stranakh Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Yevropy: 20 let spustya.* Moskva, 2011.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii*, f. 89, op. 20, l. 22. *Ryzhkov N.* Perestroyka: istoriya predatel'stv. Moskva, 1992.
- Ryabov V. V.* Zhizn' v TSK, ili TSK iznutri. Moskva, 2005.
- Ryzhkov N. I.* Desyat' let velikikh potryaseniy. Moskva, 1996.
- Shakhnazarov G.* Tsena svobody. Reformatsiya Gorbacheva glazami yego pomoshchnika. Moskva, 1993.
- Sotsialisticheskiye strany i strany kapitalizma v 1986 g. Statisticheskii sbornik.* Moskva, 1987.
- Vorotnikov V. I.* Khronika absurda. Otdeleniye Rossii ot SSSR. Moskva, 2011.
- Vystupleniye M. S. Gorbachova v Filadel'fii 19 sentyabrya 2008 g. pri vruchenii amerikanskoй «Medali svobody»* — www.gorbi.ru/rubrs.asp?art_id=26120&paig=2 (data obrashcheniya 15.03.2019)
- Yakovlev A. N.* Perestroyka 1985–1991. Dokumenty. Moskva, 2008.
- Yakovlev A.* Sumerki. Moskva, 2003.
- Yazov D. T.* Uday sud'by. Vospominaniya soldata i marshala. Moskva, 2014.
- Zolotarev V. A., Putilin B. G.* Mest' za pobedu. Sovetskiy Soyuz i kholodnaya voyna. Moskva, 2014.
- Zubok V.* Neudavshayasya imperiya. Sovetskiy Soyuz v kholodnoy voyne ot Stalina do Gorbacheva. Moskva, 2011.